

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

А. А. Слинько

Воронежский государственный университет

П. П. Дьяков

*Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Поступила в редакцию 27 марта 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается процесс утверждения левой прагматики в Латинской Америке как политического фактора, противостоящего наступлению неолиберального популизма. Отмечается роль Китая в поддержке государств группы АЛБА. Подчеркивается значение левопрогрессивского эксперимента в Уругвае. Делается вывод о том, что левая альтернатива доказала свою прагматичность и реалистичность в борьбе с жесткими неолиберальными технологиями. Подчеркивается возрастание геостратегического и геополитического значения Латинской Америки как района, где Китай и США испытывают возможности своей мягкой силы в латентном столкновении за политическое господство.
Ключевые слова: левая прагматика, неолиберальный популизм, деструктивный революционизм, левый прогрессизм, мягкая сила, региональные особенности, политические процессы в Латинской Америке.

Abstract: the article examines the process of establishing the left pragmatics in Latin America as a political factor that is resisting to the invading neo-liberal populism. The article outlines the role of China in the support to the nations of ALBA group. The importance of the left progressive experiment in Uruguay is emphasized. It is summarized that the left alternative has proved its pragmatism and realism in the fight with tough neo-liberal technologies. The increase in geo-strategic and geo-political importance of Latin America as the region where China and the USA are using the possibility of their soft power in latent confrontation for political domination is highlighted.

Key words: left pragmatics, neo-liberal populism, destructive revolutionism, left progressivism, soft power, regional specificities, political processes in Latin America.

Особенностью политических процессов последних лет в Латинской Америке стало усиление попыток части правящих элит сменить «левый поворот» в ряде стран региона на разнообразные правоцентристские модели, близкие к традиционной неолиберальной политике [1].

Так, правые силы в Латинской Америке с одобрением встретили импичмент первой женщины-президента Бразилии Дилмы Русеф – бывшей революционерки – и привлечение к суду экс-президента страны Лулу да Силвы – выходца из народных низов, символа возрождения левой политики.

Неолиберальный популизм восторжествовал в Аргентине, где левый поворот перонизма, возглавленный Н. Киршнером и продолженный К. Фернандес де Киршнер, не давал покоя целой политической ультраправой и правой «вселенной», которая характерна для Аргентины с 30-х гг. прошлого века.

Новый президент М. Макри – сын миллиардера и, среди прочего, «футбольный магнат» – является

классической фигурой новой неолиберальной популистской волны. Под предлогом «нерациональности» и «неэкономности» предыдущих правительств был возобновлен курс на ограничение социальных завоеваний среднего класса и рабочих, на возобновление бесконтрольного господства в Аргентине американских корпораций [2, с. 99].

Между тем левые силы в Латинской Америке многому научились. Первый период «обучения» относится к эпохе диктатуры А. Пиночета (1973–1990 гг.). Именно в этот период формируется идея левого прагматизма и реализма: поставить госаппарат на службу революции. В переходные 1990-е гг. были апробированы первые опыты левой прагматики. Венесуэльские революционеры, дослужившись до командных должностей в армии, установили боливарианский режим, призванный сорвать любые военные перевороты с использованием военной машины республики [3].

Другой пример левой прагматики тех лет – это компромиссное соглашение лидера Сандинистского фронта национального освобождения Д. Ортеги с А. Алеманом – ультраправым политиком, в результа-

те которого левые получили решающие позиции в Высшем избирательном совете, в Верховном суде, органах прокуратуры и финансового аудита [4, с. 23]. В конечном счете после возвращения сандинистов к власти в 2007 г. положение левых сил только укреплялось, несмотря на экономический кризис. Триумф Д. Ортеги на президентских и парламентских выборах 2016 г. – наглядное тому подтверждение.

Самое серьезное противостояние левых и правых на почве политического реализма происходит в Уругвае. В сложнейшей политической борьбе уругвайские левые смогли подключить к Широкому фронту многослойные прогрессистские организации и победить на трех подряд президентских выборах. Кульминацией пребывания у власти Широкого фронта стало президентство Х. Мухики (2010–2015 гг.) – легендарного партизана из движения Тупамарос. Цепкая электоральная борьба за молодежь, умение повернуть в свою сторону колеблющихся избирателей, гибкое использование современных информационных технологий, а также стремление интерпретировать даже спорные акции в свою пользу – характерная черта политического поведения современных левых Уругвая. Странная борьба, развернутая Дж. Соросом и рядом корпораций за легализацию наркотиков, была по-своему истолкована Х. Мухикой, который добился ограниченной легализации марихуаны, но при этом сохранил политическое лицо революционера, борющегося за права человека [5, р. 167–173]. Либеральное крыло левых сил и многие центристы в условиях кризиса отдали свои голоса за продолжение левого правления.

Иная ситуация складывается, когда в стране отсутствуют сплоченные левые силы. В этом случае неолиберальный реванш произвести достаточно легко. Алгоритм модели своеобразной правосторонней контрреволюции прост: выдвижение обвинений в коррупции против основных должностных лиц, запуск конституционной процедуры импичмента, организация массовых протестов с помощью католической церкви, как это имело место в Гватемале, активное участие силовых структур в смене власти.

Очень важно подчеркнуть, что возрождение неолиберальной политической практики происходит в эпоху новейшего ренессанса в мире неоплебисцитарной демократии популистского типа [6]. Для Латинской Америки особенно важен факт своеобразной популистской волны, которая привела к власти Д. Трампа. При этом обычная прагматичность и реалистичность неолиберализма ныне уступает по значению для электоральной борьбы место популистским лозунгам. Возвращение неолиберализма на политическую арену в Латинской Америке в популистском облике, к примеру, М. Макри или М. Теме-

ра означает не усиление, а ослабление этого некогда доминирующего тренда 1990-х гг. При этом надо подчеркнуть, что неолиберализм 1990-х гг. и неолиберальный популизм современности – это несоизмеримые понятия. Глобализация создала мировой треугольник или четырехугольник, в котором могут действовать только сверхсильные игроки, т. е. Китай, США, Россия и, возможно, Индия. В этой ситуации даже Европейский Союз, ослабленный феноменом Brexit'a, выглядит по-другому даже на латиноамериканской почве.

Очевидна и никем не опровергнута громадная поддержка, оказанная Китаем наследнику У. Чавеса Н. Мадуро. Уже четыре года оппозиция, опираясь на массовую информационную и материальную поддержку США и Запада, пытается свергнуть боливарианскую власть, но помощь Китая нейтрализует действия правых. Левые приобрели достаточно надежный тыл, обладающий неисчерпаемыми ресурсами. Коммунисты Китая настаивают на использовании своими идеологическими союзниками основных принципов социализма с китайской спецификой: «раскрепостить мышление, придерживаться реалистического подхода в действительности, во всем исходить из практики» [7, с. 48]. Характерно, что китайские коммунисты никогда не скрывали своей уверенности в том, что, если коммунистическое движение будет следовать вышеназванным принципам, сформулированным Дэн Сяопином, то «победа социализма и коммунизма в Китае и во всем мире станет неизбежна» [там же].

Глобальное влияние китайской политики еще в достаточной мере недооценено, к примеру, мирный процесс, переговоры с партизанами-коммунистами идут параллельно и противоречиво в Колумбии и на Филиппинах. При этом Китай никогда не скрывал своего влияния на Кубе («Куба пойдет по китайскому пути») [8], несмотря на известные высказывания Ф. Кастро о вмешательстве Дэн Сяопина в дела Кубы.

В условиях глобального кризиса возрождаемый популизм неолиберального типа выступает в форме деструктивного революционизма. В Боливии, Венесуэле, Эквадоре, Никарагуа зафиксировано уменьшение бедности, отмечены позитивные тенденции в сфере образования и здравоохранения. Угроза потери пусть небольших и относительных завоеваний беднейшего населения и дальнейшая деградация среднего класса породили феномен устойчивости левых правительств. Так, несмотря на многочисленные сверхусилия правым не удалось устранить от власти режим Э. Моралеса, который рискнул применить опыт ЮАР в конституционном строительстве и воспользовался экономической помощью Китая. Эквадор переживает смену власти в ходе электорального цикла, но уже обнаружилось признание большин-

ством населения достижений правительства Р. Корреа в деле подъема отсталых регионов и преодоления бедности. На этой волне левый наследник Р. Корреа – Ленин Морено легитимно победил во втором туре выборов [9].

Попытки переворотов и военных мятежей, имевшие место в Эквадоре, Боливии и Венесуэле и развивавшиеся как по традиционным, так и по нетрадиционным схемам, провалились. Очевидна известная подготовленность левых режимов к событиям подобного рода.

Особый смысл имеют политические события в Чили и Перу, где политический маятник достаточно циклично перемещался справа налево и обратно. В Чили левые сумели постоянно возвращаться к власти, не затрагивая основы неолиберальной экономики, а в Перу, казалось бы, лидер левого толка О. Умала оказался на жесткой позиции политического прагматизма. Ключом к разгадке политических особенностей этих стран может стать одно из первых действий Д. Трампа на мировой арене – выход из Транстихоокеанского партнерства. По мнению Д. Трампа, демократы Обама и Клинтон уже отдали инициативу в мировой торговле, и любые транстихоокеанские объединения объективно работают в пользу Китая. Следует предположить, что Перу и Чили оказались в сфере притяжения Китая, и США стали проигрывать новой сверхдержаве в конкурентной борьбе. В этих условиях Китаю не особенно важен идеологический характер режима в этих странах, важна их прагматическая направленность на расширение торговых связей с Китаем.

В целом, крайне жесткий неолиберальный популизм не принимается в нынешней Латинской Америке, к примеру, «урибизм» в Колумбии уступил политическое поле более умеренным либералам во главе с Сантосом. В Мексике правоцентристы в конечном счете проиграли центристам во главе с вновь усилившейся Институционно-революционной партией.

Таким образом, можно высказать точку зрения о четырех вариантах политических трансформаций в современной Латинской Америке.

Первый – левопрагматический, имеющий место в Венесуэле, Никарагуа, Эквадоре и Боливии. В Венесуэле особое значение придавалось Чавесом, Мадуро и их соратниками контролю над армией, которая воспитывалась в боливарианском духе революционного континуума. В Никарагуа был сделан упор на проблему контроля над государственным аппаратом и избирательной вертикалью. В Эквадоре – на «параллельную власть» гражданского общества. В Боливии особое значение придавалось преобразованию конституционного строя. Все механизмы реформ имели реалистическую и прагматическую

направленность и работали на усиление действующей власти.

Неоплебисцитарная демократия популистского типа, основанная на неолиберальном реванше, в целом утвердилась на политической почве Аргентины, где открыто декларируется экономический и политический союз с США, что программно подтверждается созданием инвестиционного рая для транснациональных корпораций, но при этом дело идет к лобовому столкновению с организованным рабочим движением. Президент Макри пытается неолиберальным популизмом отодвинуть на второй план левопопулистский перонистский блок.

Слабости новой волны неолиберального популизма хорошо прослеживаются на примере третьей группы стран, где неолиберальное возрождение имеет место, но достаточно гибко не акцентируется, происходит некоторая апология «слабой власти», которая имеет место в Бразилии и Перу, а также в Чили, где левые правительства следуют инерции неолиберальной парадигмы, а правые сохраняют социальные реформы левых.

Особый интерес вызывает левый прогрессизм в Уругвае, где институционализация левых сил произошла в условиях волатильности электоральных предпочтений, отрицания авторитарной традиции революционизма при опоре на альтернативный стиль западного постпозитивизма, в котором апология «анархии методов» предполагает признание даже мельчайших оттенков и нюансов как реальной политической силы [5, р. 271–278].

Таким образом, левые силы Латинской Америки ответили на правопопулистский неолиберальный реванш в Аргентине, Бразилии и Гватемале.

Прагматические левые акторы в Венесуэле, Боливии, Никарагуа и Эквадоре сделали попытку создать твердую власть, которая умеет выдержать длительную борьбу и устоять в конъюнктурных конфликтах.

Левые Уругвая создали уникальный прогрессистский режим, который в своей устойчивости проявляет исключительную гибкость и готовность интегрировать новые и новые сектора электората сверху до низу.

Между тем большинство стран Латинской Америки остановилось в политическом центре, не особенно стремясь к неолиберальному политическому ренессансу.

Колесания и неустойчивость – главные характеристические черты современного политического процесса в Латинской Америке. При этом левая альтернатива доказала свою прагматичность и реалистичность в конкуренции с жесткими неолиберальными политическими технологиями. «Китайский фактор» уравновесил американское доминирование.

Главная особенность внутривнутриполитических трансформаций в Латинской Америке – включение в реальную политическую деятельность низших слоев среднего класса, которые не доверяют ни правым, ни левым, но в силу традиций и политической агрессии неолиберального популизма предпочитают последних [Ibid., p. 37–58].

Очень важен геополитический аспект происходящих событий – именно здесь Китай и США испытывают возможности своей мягкой силы в латентном столкновении за политическое лидерство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слинко А. А. Латинская Америка : правоцентристский тренд в альтернативной политике / А. А. Слинко // Латинская Америка. – 2012. – № 6.

2. Яковлев П. Россия и Латинская Америка в контексте глобального напряжения / П. Яковлев // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 11.

Воронежский государственный университет

Слинко А. А., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и мировой политики

E-mail: aleksandr_slinko@mail.ru

Тел.: 8-910-242-18-90

Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Дьяков П. П., аспирант

E-mail: dyakov.pavel.1984@mail.ru

3. Слинко А. А. Новые горизонты левой политики / А. А. Слинко // Латинская Америка. – 2016. – № 1.

4. Дабагян Э. С. Президентские и парламентские выборы в Никарагуа / Э. С. Дабагян // Латинская Америка. – 2016. – № 12.

5. Rabuffetti, Mauricio José Mujica : la revolución tranquila. – 2a ed. – Buenos Aires : Aguilar, 2015.

6. Слинко А. А. Политическое лидерство в эпоху перелома трендов мирового развития : популизм в неоплебисцитарной системе власти / А. А. Слинко, Е. В. Строгая // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2017. – № 2.

7. Механик А. Идеалы коммунизма неизбежно победят / А. Механик // Эксперт. – 2016. – № 49.

8. Жэньминь Жибао, 26.10.2016.

9. El Telegrafo, 19.04.2017.

Voronezh State University

Slinko A. A., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the International Relations and World Politics Department

E-mail: aleksandr_slinko@mail.ru

Tel.: 8-910-242-18-90

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Dyakov P. P., Post-graduate Student

E-mail: dyakov.pavel.1984@mail.ru